Рецензии

Религиоведение в Восточной Европе в XX веке: тексты и контекст

Bubik, Tomáš & Hoffman, Henryk (eds) (2015) *Studying Religions with the Iron Curtain Closed and Opened: The Academic Study of Religion in Eastern Europe*. Leiden, Boston: Brill. (Numen Book Series, vol. 149). — 320 p.

В последние пятнадцать лет историографический анализ изучения религии превратился в самостоятельное и довольно активно разрабатываемое исследовательское поле. В современных историографических трудах, в отличие от работ предшествующих десятилетий, не только анализируется, что было сделано предшествующими поколениями ученых, каковы были их позиции по важным, прежде всего, методологическим, вопросам и т. п. [1], но по-другому понимается сама цель историографического исследования. Нынешние историографы стремятся рассмотреть историю науки о религии, прежде всего, в контексте социальной истории, определить ее место в общем пространстве гуманитарных исследований, которое то расширялось, то сжималось под действием тех или иных идеологических влияний.

В 2001 году издательством *Peter Lang* был опубликован большой труд «Академическое изучение религии в период холодной войны», в котором изучение религии во второй половине двадцатого века было рассмотрено через призму идеологического противостояния двух политических систем, в котором религиозный фактор играл важную роль. Наряду со ста-

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ №16-18-10083 “Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX вв.”

1. Waardenburg, J. (1973) *Classical Approaches to the Study of Religion. Aims, Methods and Theories of Research. Introduction and Anthology [Religion and Reason, 3]*. Mouton; Kippenberg, H.G. (2002) *Discovering Religious History in the Modern Age*. Princeton University Press.

тьями, имеющими традиционно описательный характер (например, об изучении религии в Голландии или в США) в этой коллективной монографии было представлено несколько публикаций, касающихся конкретных исследований или отдельных школ, существовавших в странах Восточной Европы в период господства советской идеологической модели. Эти статьи убедительно показывают, что в странах социалистического лагеря марксизм был далеко не всегда единственным методологическим основанием при изучении священных текстов, ритуальной практики и народной религии, при исследовании личного религиозного опыта и индивидуальной религиозности; что, занимаясь антропологическими исследованиями, ученые стремились к академической объективности, невзирая на государственную идеологию; а соблюдение принятого идеологического декорума, особенно в 1960-1980-е гг., давало возможность разрабатывать религиоведение, практически во всех его направлениях (См. например: Йозеф Кандерт. «Этнографические исследования религии в эпоху социализма (случай Чехии)»; Далибор Папушек. «Советская школа истории раннего христианства и ее влияние в бывшей Чехословакии: проблема историчности Христа»; Халина Гржимала-Можчинска. «Является ли идеология проблемой для психологии религии?»; Дмитрий Микульский. «Послевоенные советские исследования верований местного оседлого населения Центральной Азии: между академической объективностью и идеологическими требованиями»; Линнарт Мялль. «Семиотика как возможность для изучения религиозных текстов в условиях коммунизма»)[2].

Рецензируемая книга «Религиоведение в Восточной Европе в XX веке: тексты и контекст», подготовленная международным авторским коллективом в составе Томаша Бубека (Чехия), Хенрика Хоффманна (Польша), Давида Ваклавика (Словакия), Андраша Мате-Тота и Чабы Мате Шарньяи (Венгрия), Юло Валка и Тармо Кюлмара (Эстония), Яниас Приеде (Латвия), Людмилы Филиппович и Юрия Бабинова (Украина) и Екатерины Элбакян (Россия) в рамках международного проекта «Развитие изучения религий в Центральной и Восточной Европе в XX веке» (Научный фонд Чехии, 2010), продолжает традицию «новой историографии». Основная цель проекта, возглавляемого Т. Бубеком и Х. Хоффманном,

2. Dolezalová, I., Luther, H., Papousek, D. (eds) (2001) *The Academic Study of Religion during the Cold War*. Peter Lang. East and West Series: Toronto Studies in Religion.

заключалась в том, чтобы реконструировать историческое развитие религиоведения в большинстве стран социалистического лагеря (за исключением Румынии, ГДР и Югославии), а также проанализировать различные методологические подходы и основные научные интересы той или иной научной школы, труды ученых, которые внесли значительный вклад в развитие науки о религии, а также организационную деятельность по изданию специальных религиоведческих журналов и осуществлению важных научно-исследовательских проектов. Авторы исследования рассматривают религиоведение как междисциплинарную науку, поэтому объектом исследования оказалось и развитие смежных гуманитарных дисциплин, таких как история, социология, востоковедения, этнология, фольклористика, психология и философии, а также христианская теология. В предисловии к книге говорится, что современные ученые не должны игнорировать достижения и мнения их предшественников, это помогает не только избегать «изобретения колеса заново», но и ограждает от повторения прежних ошибок. Сравнительное историографическое исследование позволило выявить общие черты, характерные для религиоведения стран Восточной Европы в XX веке: это — в период становления влияние свободомыслия, философски близкого к позитивизму и эволюционизму; в 1940–1980-е гг. — влияние марксизма или христианской теологии (в зависимости от страны); и более или менее идеологическая нейтральность академических исследований религии после политических изменений начала 1990-х. Важно отметить, что выделение «религиоведения стран Восточной Европы» в качестве предмета исследования отнюдь не предполагает рассмотрение науки о религии Чехии, Словакии, Румынии, Венгрии, стран Балтии, Украины и России в отрыве от европейской науки в целом.

Стремление некоторых российских авторов показать, что отдельные исследователи стран социалистического лагеря «заимствовали идеи, популярные в западной науке», а потом на их основе совершали открытия, обогатившие мировую науку, вызывает удивление, так как выделение национальных научных школ ни в коей мере не предполагает существования разрыва в едином научном пространстве, в котором идеи и научные достижения существуют и свободно циркулируют, взаимно обогащая друг друга, независимо от национальной принадлежности их создателей. Причем, эти идеи и в прошлом веке транслировались единственно возмож-

ным способом — через научные журналы и участие в конференциях. И если участие в международных научных мероприятиях было ограничено (но оно было в СССР даже в 1930-е годы, не говоря уже о 1970-1980-х), то европейские научные журналы по проблемам религии в библиотеки (в СССР — Москвы и Ленинграда) поступали регулярно, и существовал обмен журналами. Правда, если серьезные исследователи из стран советского лагеря могли читать на европейских языках, то журналы, изданные на русском языке, читали немногие. Справедливости ради, следует сказать, что и в последние десятилетия большинство публикаций российских ученых осуществляется на русском языке.

Х. Хоффманн, указывая, какие области изучения религии были наиболее популярными во второй половине XX века у исследователей из стран Восточной Европы (происхождение религии и ее ранних форм, происхождение Ветхого и Нового Заветов, социальные корни религии и религиозности, психологические причины религиозного опыта, богословско-философская полемика между «верой и разумом»), выделяет важнейшие спорные проблемы. Неразрешимыми контроверзами, не позволяющими прийти к единой точке зрения, являются, по его мнению, противостояния принципиально различающихся методологических подходов: историзма и аисторизма (то есть диахронического или синхронного анализа), редукционизма и антиредукционизма, рационализма и иррационализма. Однако эти антиномии были актуальными для всей мировой науки о религии во второй половине прошлого века. Исследуя историю религиоведения в разных странах Восточной Европы, авторы показывают ее неразрывную связь с мировой наукой, демонстрируют использование общих для ученых того или иного исторического периода исследовательских стратегий, будь то эволюционизм, феноменологическое направление, культурно-историческая школа, или марксизм как научная методология. Они показывают, как на определенном историческом этапе марксизм в его ленинско-сталинском или «советском» изводе превращается в идеологию.

Таким образом, авторы рецензируемого издания поставили перед собой очень амбициозную задачу — охарактеризовать все достижения и все трудности развития религиоведения как науки во второй половине XX века в странах Восточной Европы и выявить новые векторы его развития после падения Берлинской стены и распада СССР. Руководители проекта

и редакторы книги Т. Бубек и Х. Хоффманн отмечают, что особое внимание они стремились уделить изучению вопроса о влиянии идеологии на научные исследования, так как именно она, по их мнению, формирует интерпретацию религии в каждый конкретный период развития религиоведения. Они считают, что все гуманитарные науки в той или иной степени подвержены идеологизации, но религиоведение склонно к этому более, чем любая другая дисциплина. Идеологизация религиоведческих исследований может осуществляться в двух направлениях: во-первых, история религиоведения постоянно показывает, что в нем, помимо научных, присутствуют и другие цели, а во-вторых, большинство из этих целей содержит сознательную или бессознательную критику или защиту той или иной религии. Т. Бубек отмечает, что «марксистско-ленинское понимание науки и гуманитарных дисциплин было материалистическим, его задача заключалась в формулировке, защите и распространении “научного мировоззрения”»[3].

Следует заметить, что вопрос о том, насколько мировоззрение того или иного исследователя отражается в его трудах о религии и насколько возможно отделить мировоззренческие предпочтения исследователя от выбираемого им метода и характера исследования, отнюдь не новый и очень существенный; он стал предметом отдельного специального рассмотрения еще в начале XX века, вылился в серьезные дискуссии после Второй мировой войны и декларацию Ц. Вербловски, привел к появлению концепции «методологического атеизма» П. Бергера[4], распространению конструктивизма и феноменологических исследований.

Т. Бубек и М. Хоффманн указывают, что наука и ученые могут быть субъектами идеологий, и в основном это связано со стремлениями различных заинтересованных групп, или отдельных лиц, использовать научные знания для вненаучных целей в рамках политической, расовой, национальной, экономической, религиозной или иных повесток. Они отмечают, что многие ученые из бывше-

3. Bubik, T., Hoffman, H. (eds) (2015) *Studying Religions with the Iron Curtain Closed and Opened: The Academic Study of Religion in Eastern Europe*, p. 28. Leiden, Boston: Brill.

4. Schimmel, A. (1960) “Summary of the Discussion”, *Numen* 8: 236–237; Stroumsa, G.G. (2016) “R. J. Zwi Werblowsky: The Spark of Comparative Religion (1924–2015)”, *Numen* 63(1): 1–5; Cantrell, M.A. (2016) “Must a Scholar of Religion Be Methodologically Atheistic or Agnostic?”, *Journal of the American Academy of Religion* 84(2): 373–400.

го советского блока, и даже некоторые из авторов книги, имели большой опыт работы с тем, что можно назвать «антирелигиозной пропагандой», или наоборот — с «религиозной пропагандой». В свете исторического анализа, а также собственного жизненного опыта, авторы утверждают, что идеологизация гуманитарных наук может принимать различные формы, и может изменяться в зависимости от социальных процессов и от воздействия тех или иных интересов доминирующих групп.

Они полагают, что изучение религий всегда подвергается идеологизации в той или иной степени, и эта гипотеза подтверждается анализом научной деятельности в области религиоведения в течение разных исторических периодов, причем не только при анализе исследований, осуществлявшихся при тоталитарных режимах. Выявляя особенности того или иного периода развития науки о религии необходимо, по мнению авторов, иметь в виду, что помимо общности поколений или общих методологических оснований изучения религиозных явлений, общих объекта и предмета изучения, исследователи могли отличаться принадлежностью к совершенно разным политическим лагерям, по-разному относится к антисемитизму, национализму, коммунизму и национал-социализму, иметь разные религиозные или нерелигиозные убеждения и использовать различные стратегии существования в условиях одного и того же общества и государства.

Давид Ваклавик в главе, посвященной истории изучения религии в Словакии, поднимает очень важную проблему: сопряжения изучения истории религии и поиска национальной идентичности. Он считает, что история науки о религии в Словакии, не просто связана с «поиском духа народа» и изучением фольклора, но и с формированием политической концепции словацкой нации. Это касается не только словацкой традиции. Интерес к национальному фольклору, традиционным религиозным верованиям и практикам отражает общие тенденции, связанные с ростом национального самосознания. Однако он имел и свою обратную сторону. Ваклавик пишет о 1930-х гг., что «как и повсюду в Европе, расовый вопрос широко обсуждался в общественных дискуссиях и в гуманитарных науках, а его наиболее экстремальное воплощение в форме антисемитизма в большой степени присутствовало во всех странах рассматриваемого региона. Развитие образования и науки было движимо идеей “интеллектуальной национальной обороны” (*Geistige Landesverteidigung*), которая

не предполагает идеологическую автономию наук»[5].

К сожалению, эта позиция последовательно не прослеживается во всех текстах, представленных в рецензируемом издании. Некоторые авторы стараются не только уйти от этой темы, но, к сожалению, замалчивают важные факты, сосредотачиваясь в основном, на критике коммунистической идеологии. В статье, посвященной религиоведению в Латвии, подробно рассказывается о научной деятельности Густава Меншинга и указывается, что он вынужден был эмигрировать из Латвии в Германию. Однако не говорится о том, что Меншинг был не только рижским университетским профессором немецкого происхождения, но и политически активным деятелем. Меншинг вступил в национал-социалистическую партию в Риге еще в 1934 году[6], и, по словам современных исследователей, «использовал все идеологические основания нацизма в своих исследованиях религии, а после войны тщательно удалял все намеки на это из поздних изданий своих сочинений»[7].

На страницах рецензируемой книги поднимается очень важный вопрос о взаимоотношении теологии, философии и религиоведения. В этом отношении наиболее примечательными, на мой взгляд, являются наблюдения Томаша Бубека, который указывает, что еще в 1918 году Отакар Пертольд в книге «Введение в сравнительное религиоведение» отделил науку о религии от философии религии и теологии. Мы можем прочитать о том же и у отечественных авторов того же периода, занимавшихся сравнительным религиоведением и антропологическим изучением религии. Это мнение было господствующим в рамках развивавшегося тогда эволюционизма. Т. Бубек указывает, что в церковных кругах Чехии академическое изучение религии рассматривалось как антирелигиозное, однако постепенно внеконфесиональное изучение религии получило распространение и заняло достойное место в академическом пространстве. В 1990-е дискуссия между теми, кто считал, что между религи-

5. Bubik, T., Hoffman, H. *Studying Religions with the Iron Curtain Closed and Opened: The Academic Study of Religion in Eastern Europe*, p. 127.

6. Heinrich, F. (2002) *Die deutsche Religionswissenschaft und der Nationalsozialismus. Eine ideologiekritische und wissenschaftsgeschichtliche Untersuchung*, ss. 329–337. Imhof, Petersberg.

7. Stausberg, M. (2007) "The study of religion(s) in Western Europe (I): Prehistory and history until World War II", *Religion* 37: 313; Junginger, H. (2008) *The Study of Religion under the Impact of Fascism*, p. 69. Leiden, Boston: Brill.

оведением и теологией необходимо провести демаркационную линию обострилась, однако в последние годы различие между светским и религиозным изучением религии переместилось на персональный уровень. Примерно такая же ситуация существует и у нас, и хочется надеяться, что она и дальше сохранится, не выходя за рамки «персонального уровня».

Безусловно, особый интерес вызывают страницы книги, посвященные украинскому и российскому религиоведению, и в силу общей истории, и в силу более тесных академических контактов. Очень обидно, что низкое качество перевода привело к забавным курьезам. Я не думаю, что авторы статьи действительно считают, что «самые ранние корни украинского религиоведения следует искать в Киевской Руси» (с. 240), так как далее они совершенно справедливо говорят о том, что различные памятники древнерусской книжности являются важным источником сведений о распространении христианства и о дохристианских верованиях в древней Руси, но из текста следует, что монахи-летописцы были исследователями религии. Ошибки перевода привели к тому, что Б. Лобовик оказался специалистом по «гностической (Gnostic) природе религиозных явлений», а не по гносеологическим, то есть теоретико-познавательным, причинам религиозных феноменов (с. 246), и к моему разочарованию, такие примеры можно привести еще.

К сожалению, статья о религиоведении в Украине имеет отрывочный характер то ли по недостатку места, то ли потому, что авторы недостаточно хорошо знают истории изучения религии в конце XIX-начале XX века. Описывая состояние исследования религии в досоветский период, упомянули лишь Н.И. Костомарова, А.А. Потебню и М.П. Драгоманова, хотя в Киеве, Харькове и Одессе было издано с конца XIX по первую четверть XX века огромное количество трудов о религии, написанных как богословами, так и философами, историками, филологами. Достаточно посмотреть такие периодические издания как «Киевские университетские известия», «Труды Киевской духовной Академии», «Записки Императорского Новороссийского университета», «Записки Императорского Харьковского университета», чтобы понять широту охвата проблемных полей и разнообразие подходов. Странно выглядит отсутствие даже упоминаний имен академиков М.С. Грушевского, А.Е. Крымского, Д.И. Яворницкого, у которых были значительные работы, посвященные истории религии и религиозной мысли.

К сожалению, и религиоведение советского времени, существовавшее в УССР, представлено также отрывочно. Так, исходя из этой статьи, складывается впечатление, что проблемы иудаизма и библеистики не интересовали украинских исследователей вообще, потому что об этом направлении изучения религии в статье не говорится ни слова. Хотя недавно в Киеве была даже защищена кандидатская диссертация, в которой подробно анализируются изданные в советское время труды по иудаизму и острые дискуссии по этой проблеме[8]. Украинское религиоведение активно развивается, только в 2014–2015 гг. по историческим, философским и политическим наукам было защищено около 200 кандидатских и докторских диссертаций, имеющих отношение к изучению религии, однако имен и трудов украинских исследователей религии, вошедших в науку в последние двадцать лет, в статье нет вообще.

Е. Элбакян, напротив, в своей статье по истории религиоведения в России большое внимание уделяет задачам, стоящим перед современным российским религиоведением, объективно рисуя сложившуюся ситуацию. Вся статья в целом выполнена в том же ключе, что и предыдущие публикация автора на эту тему: она представляет собой историографический обзор, в котором основное внимание уделяется, прежде всего, трудам советских философов 1950–1980 гг., писавших по проблемам религии и атеизма. Стремление перечислить как можно большее число авторов-философов от Пашкова до Борункова и от Андрианова до Лебедева и Калашникова (?) можно было бы одобрить, если бы у автора хватило места на хотя бы краткое описание серьезных исторических и антропологических трудов, — по крайней мере тех, названия которых она указывает. Безусловно, заслуживали специального рассмотрения труды о религиозных ритуалах и мифологии, написанные в рамках тартуско-московской школы, работы о средневековой народной культуре, религиозном искусстве, календарной обрядности и проч., то есть те религиоведческие исследования, формально не попадающие в эту рубрику в силу аффилиации их авторов, но по существу, представляющие собой научные труды, внесшие значительный вклад в науку о религии.

Не в упрек автору этой статьи, хочу отметить, что давно

8. См. *Басаурі Зюзіна А.-М.* Становлення та розвиток сучасної іудейської теологічної освіти. Дисертація канд. філос. наук (09.00.11 — релігієзнавство), Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. Київ, 2014. 200 стр.

пора нам перейти от перечисления опубликованных в советское время работ к анализу их содержания или к рассмотрению научных дискуссий, которые шли в советской литературе. Некоторые из них представляют определенный интерес и для современного читателя, во всяком случае, они разрушают миф о догматизме и методологическом единообразии, присущем исследованиям советского времени. Среди них, помимо некоторых дискуссий 1920-х гг., о которых мне уже приходилось писать, можно выделить дискуссию 1970-х о происхождении религии и т.н. «безрелигиозном периоде», об «азиатском способе производства», о «недостающем звене», о «происхождении феодализма на Руси» в контексте ее христианизации и т.д. Но это уже из области предложений для дальнейших исследований.

Было бы прекрасно, если бы рецензируемая книга была переведена на русский язык и стала доступна российскому читателю, тем более, что труды Ч. Лоукотки, А. Немоевского, А. Новицкого, И. Тренчени-Вальдапфеля, К. Кереньи хорошо известны в России.

М. Шахнович

Кардинал Миндсенти — «неудобная» фигура в комбинациях холодной войны

Balogh, Margit (2014) *Kardinal Józef Mindzenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und Kaltem Krieg*. Berlin: Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. — 672 S.[9]

В последние десятилетия кардинал Йожеф Миндсенти стал одним из самых известных представителей восточно-европейского католицизма XX столетия, обогнав даже папу Иоанна Павла II по количеству посвященных ему исследований и документальных публикаций. Если в период противостояния двух политических систем он был иконой антикоммунизма, образцом сопротивления и категорического неприятия социалистической системы советского типа, то в более поздний период стал олицетворением национального героя некоммунистической/католической Венгрии.

9. Публикация подготовлена в рамках проекта Российского Научного Фонда № 15-18-00135 «Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и миро-